

**АНГЛИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР
В ЗЕРКАЛЕ РОМАНИСТИКИ ЭНТОНИ ТРОЛЛОПА:
ОБНОВЛЕНИЕ МИФА? (РОМАН «ФИНЕАС ФИНН,
ИРЛАНДСКИЙ ЧЛЕН ПАРЛАМЕНТА»)**

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор кафедры зарубежной филологии,

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

bproskurnin@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

Статья поступила в редакцию: 30.06.2026

В статье рассматриваются проблемы репрезентации в романистике Э. Троллопа английского национального характера, к моменту создания писателем главных произведений уже сформировавшегося в основных своих составляющих и даже приобретшего статус мифа. Особый исследовательский акцент делается на понятиях «благородство» (gentility) и «джентльмен», в троллоповские времена утративших чисто классовый (аристократический) характер и ставших общенациональными социокультурными и нравственными категориями. Специальное внимание уделяется воплощению в центральных героях романа «Финеас Финн, ирландский член парламента» ключевых для настоящего джентльмена нравственно-психологических составляющих – цельности натуры, естественности и истинного мужского начала (manliness).

Ключевые слова: викторианская Англия, английский социально-психологический роман, литературный характер, джентльмен, мужской идеал.

Тип национального характера – один из устойчивых стереотипов, нередко получающих статус мифа, особенно в условиях глобализации, транспарентности границ культурных ареалов, а также диалектически возникшей обратной тенденции – затвердить ядро национального культурного ареала. Это в полной мере относится и к Англии. О феномене «английский национальный характер» написано много, поэтому просто перечислим те работы ангlistов различных научных специальностей, которые, подходя к вопросу с разных сторон, как нам кажется, наиболее концептуально формулируют его основные черты: [Pevsner 1956],

[Perkin 1976], [Гачев 1988], [Гачев 2008], [Цветкова 2001], [Шестаков 2010]. Мы остановимся на идее Г. Д. Гачева, который, говоря о национальном характере, в первую очередь имел в виду «национальное воззрение на мир», национальный «склад мышления», «сетку координат», определяющих то, как нация «улавливает мир» и как она себя позиционирует в мире [Гачев 1988: 44].

Когда смотришь на выделяемые исследователями черты английского национального характера: практицизм и эмпиризм, законопослушность, консерватизм и традиционализм, конвенциональность и ритуальность, умеренность, толерантность, плюрализм, вежливость, юмор, самоирония, снобизм, латентная ксенофобия, упрямство (*stiffupperlip*) и т. д. — понимаешь, что помимо того, чтобы быть общечеловеческими, многие из них обнаруживают теснейшую связь с еще одним, но уже «чисто английским», стереотипом, давно обретшим статус мифа, — джентльменством (*Gentlemanliness*). Джентльменом в Англии долгое время, как раз вплоть до викторианского времени, называли человека обязательно благородного, аристократического, происхождения [Letwin 1982: 4], хотя, как утверждают исследователи, с самого начала истории понятия «джентльменство» это, казалось бы, корневое требование не было уж столь жестким (см. об этом [Letwin 1982], [Hewitt 2008], а также [Priestley 1973]). Историки, культурологи и литературоведы утверждают: английский национальный характер в его известных доминантах окончательно сложился в викторианское время: [Perkin 1976], [Houghton 1985], [Young 1989], [Langford 2000], [Purchase 2006], [Hewitt 2008], [Проскурнин 2002], [Хабибуллина 2009] и др.

Существенную роль в динамике художественного осмысления джентльменства сыграла английская литература, начиная с Дж. Чосера, где благородство рыцаря как первого рассказчика «Кентерберийских рассказов», чей портрет и в Общем прологе нарисован первым, становится своего рода нравственным мерилем образов других рассказчиков. Мы сталкиваемся с понятием джентльменства в разных его проявлениях, с разным социальным наполнением и по-разному поданным, конечно, у У. Шекспира, а также у А. Поупа, Дж. Бэньяна, Д. Дефо, Г. Филдинга, С. Ричардсона, Л. Стерна и др. Если же в связи с обсуждаемой темой вести речь о довикторианских временах XIX в., то надо назвать английский романтизм и прежде всего Дж. Г. Н. Байрона с его образом денди; столичных и провинциальных джентльменов и леди из джентри в романах Джейн Остен, «младоангличан» Б. Дизраели из его знаменитой трилогии, а до них — героев его же «фешенебельных романов». Регентство с его литературой и культурой вообще должно быть отдельно обозначено как период, во многом определивший некоторые

параметры содержания образа джентльмена (см. об этом [Вайнштейн 2005]).

Обобщая, можно констатировать, что, когда речь идет о литературном воплощении образов английских джентльменов, доминантными являются идеалы и представления аристократии и джентри. Совершенно очевидно, что в основе кода английского национального характера лежат мифологизирующие представления об этих страстях английского общества как основных социокультурных источниках высокой нравственности. Согласимся с исследователями, справедливо пишущими о том, что именно эти классы были наиболее интересны английской литературе, начиная с ранних ее этапов (Дж. Чосер), и это не удивительно, поскольку «ценности социально доминирующей в обществе группы имеют тенденцию быть преимущественно отраженными в литературе» либо на уровне принятия и одобрения, либо сомнения и критики» [Hewitt 2008: 240]; об этом же – [Тер-Минасова 2000: 147].

Собственно в викторианские времена существовало разное отношение к джентльменству. Но не столько как к явлению классовому, сколько как к уже нравственно-этическому: герои ряда произведений Ч. Диккенса, У. Теккерея, Э. Бульвера-Литтона, У. Коллинза, М. Брэддон, но особенно Э. Тrollope и Дж. Элиот в этом отношении наиболее показательны. Утверждение, что корневые (ключевые) конструкты национального характера складываются в средневикторианские времена, во многом связано с перемещением понятия «благородство»/«благородный» из сферы однозначного обладания им аристократией и джентри, по Мэтью Арнольду, веками «задававших высокий тон (*high tone*) обществу» (цит. по [Houghton 1985: 283]), в сферу «общего пользования», что для того же Арнольда печально, так как, по его мнению, новые классы, формирующие знаменитый викторианский средний класс, не способны задавать этот «высокий тон» и менее всего пекутся об общем благе. Т. Карлейль полагал, что коммерциализация и всеобщее предпринимательство как главные характеристики времени придали эпохе «корыстолюбивый, продажный и негероический» дух (цит. по [Houghton 1985: 285]), что, по его мнению, не могло не отразиться на корректировке не в лучшую сторону нравственных парадигм времени.

Итак, как видим, средний класс как главная экономическая и социокультурная сила британского общества викторианского века стала активно абсорбировать и распространять на многие свои социальные страсти понятия «благородный» и «благородство» (*gentle/gentility*). Поэтому Ш. Бронте, Диккенс, Гаскелл, конечно же, Тrollope и Элиот, не

будучи аристократами по происхождению, особенно интересно воплощали этот процесс превращения *gentility* и *gentlemanliness* в ядро общенациональной социокультурной парадигмы.

Творчество Э. Тrolлопа в этом отношении примечательно тем, что художественно воспроизводило процессы «джентльменизации» англиканства (шеститомный цикл «Барсетширских хроник»), политики (шесть романов «Паллизеровского цикла»), а также, особо подчеркнем, среднего класса и прежде всего класса, получившего в Британии название *Intellectuals*: инженеры, журналисты, школьные и вузовские преподаватели, художники, офицеры, клерки и пр. будущие «белые воротнички». Одновременно нельзя не отметить, что писатель в 1870-е гг. обращается к проблеме «коррозии» джентльменства, что становится едва ли не центром его социокультурной сатиры при изображении так ему не нравившейся «новой Британии»: банковской, предпринимательской, авантюрной, уже империалистической; Британии, общественное мнение которой чуть ли не целиком формируется «третьей властью» – журналистикой, легко продающейся и манипулирующей морально-нравственным оплотом общественного сознания Британии – здравым смыслом (*common sense*). Это писатель ярко отразил в романе «Как мы теперь живем» (*The Way We Live Now*; 1875); в особенности отметим, мягко говоря, не слишком приветствуемое Тrolлопом вхождение банкиров в класс «благородных» (образ Мельмотта). Любопытно, что почти за двадцать лет до этого в романе «Доктор Торн» (*Doctor Thorne*; 1857–1858) Тrolлоп добродушно комиковал, обойдясь без жесткой сатиры, по поводу забавного приобщения к классу джентльменов промышленников: имеется в виду шаржированный образ железнодорожного магната сэра Роджера Скатчерда. Примечательно, что в романе «Как мы теперь живем» помимо сатирического процесса «джентльменизации» банкиров, Тrolлоп рисует и процесс де-джентльменизации молодых аристократов (образы членов клуба *The Beargarden* – весьма говорящее название клуба – и прежде всего образ Феликса Кэрбери), а также – нравственный коллапс британской прессы.

Итак, ведя речь о динамике темы джентльменства в викторианской литературе, мы должны говорить о расширении понятия *gentle/gentility*, именно к середине викторианского века приобретшего внеклассовый характер: благородным можно – и даже должно – быть не обязательно по рождению или по богатству, а по качествам личности. Джентльменом может быть даже и неангличанин (однако чаще все же – не быть: вспомним Ч. Диккенса с его латентной ксенофобией и образами Кавалетто и (особенно) Риго из «Крошки Доррит»; да и сам Тrolлоп с его Мельмоттом-евреем «укладывается» в эту линию, хотя подача образа

Мельмотта у Тrolлопа разительно отличается от диккенсовского новаторским синтезом сатиры и психологизма).

Примером такого джентльмена-неангличанина становится у Тrolлопа герой двух его романов из «Паллизеровского цикла» – Финneas Финн, ирландец по национальности. Более того, Финн, особенно в первом романе «Финneas Финн, ирландский член парламента» (*Phineas Finn, the Irish Member*; 1869), порою выглядит большим джентльменом, чем некоторые англичане в этой дилогии, а его ирландскость и католичество, уже в первом романе дилогии игравшие малозначительную роль, во втором романе «Финneas возвратившийся» (*Phineas Redux*; 1874) еще больше нивелируются в своем сюжетном значении.

Подчеркнем: роман «Финneas Финн, ирландский член парламента» и его заглавный персонаж с точки зрения темы джентльменства любопытны сразу по нескольким идейно-художественным параметрам: неангличанин-джентльмен, политик-джентльмен, естественность, простота и *manliness* (не столько мужественность, сколько мужская целостность) как корневые качества истинного джентльменства. На последнем мы остановимся более подробно, поскольку именно оно становится весьма востребованным в викторианские времена, о чем основательно писал Дж. Тош в пионерском исследовании феноменов «маскулинности» и «мужественности» в викторианской культуре (см. [Tosh 2005]). Поэтому интересно посмотреть, как трактует их Тrolлоп на примере своего героя, ну а другие качества джентльмена: благородство, честность, искренность, чувство долга и чувство меры, порядочность, галантность, эlegantность, умение охотиться, уверенно держаться в седле и пр. – в образе Финneasа Финна подразумеваются и воплощены по определению.

Американская исследовательница джентльменства в творчестве Тrolлопа Ш. Летвин, выстраивая размышления о джентльменской сути некоторых персонажей писателя, цитирует слова англиканского архиепископа, известного в середине XIX века богослова, проповедника и поэта Ричарда Тренча: «сказать, что человек совершенно прост, – это, на мой взгляд, самая высокая похвала, которую вы можете дать» [Letwin 1982: 18], до этого обращаясь к словам С. Т. Кольриджа: «характер джентльмена проистекает из чувства равенства, которое входит в привычку» [Letwin 1982: 15]). Эти рассуждения, на наш взгляд, обозначают базовые для героя рассматриваемого романа Тrolлопа как джентльмена характеристики; при этом его джентльменство никогда и никем не подвергается сомнению, хотя он и является всего лишь сыном ирландского

доктора. Финн органично и на равных с другими входит в сферы высокой политики и высшего света, которые уже сами по себе – миры джентльменов.

«Обаяние, которым обладает Финneas, – его природное богатство, которому может позавидовать любой, и некоторые персонажи в самом деле ему завидуют. Но это оправдывается тем фактом, что Финneas, похоже, едва ли осознает, что у него это есть, и, конечно же, не прилагает никаких сознательных усилий, чтобы использовать его», – справедливо замечает один из лучших знатоков Троллопа-характеролога Ст. Уолл [Уолл 1988: 126]. Здесь очень важен акцент на естественности поведения Финneasа, которое совпадает с простотой и естественностью истинного джентльмена, гарантирующих ему цельность и сохранение чувства собственного достоинства в любой ситуации. Согласимся с Ш. Летвин, писавшей о джентльменском начале в образе Финneasа: «его сдерживает скорее его врожденное чувство собственного достоинства, чем страх последствий»; она при этом отмечает наличие у «природного джентльмена» Финneasа Финна острого неприятия фальши, любого отступления от природы, естественности, цельности [Letwin 1982: 153]. И это действительно так, особенно если обратиться к сложным отношениям героя с теми из его окружения, кто начинал лгать, лицемерить, подличать, вести себя неадекватно: вспомним разных по степени сюжетной активности и взаимодействия с заглавным героем персонажей – явных или неявных противников Финна: Лоуренса Фицгиббона, Баррингтона Эрла, Квинтуса Слайда, мистера и миссис Бонтин, мистера Кеннеди и некоторых других.

Говоря о природной целостности Финneasа как о том, чего не хватает многим в романе, Троллоп, повторим, не акцентирует специально ирландскость и католичество своего героя. Сам писатель в «Автобиографии» говорил о совершенной случайности того факта, что заглавный герой дилогии – ирландец [Trollope 1962: 248]; ему гораздо важнее был тот факт, что Финн – новичок в политической и парламентской жизни. «Принцип новичка» хорошо известен в мировой литературе о молодом герое, входящем в жизнь. В этом романе Троллопа, в определенной степени построенном по лекалу «романа воспитания», молодой герой не просто входит в политические и светские круги Лондона, но еще и борется с неизбежными для парламентско-политического неопита страхами; достаточно обратиться к XX главе романа и эпизоду, где Финneas мысленно готовится произнести первую речь в парламенте и когда уже от одной мысли, что ему надо будет вставать перед всей Палатой и говорить, «the chamber seemed to him to be mysteriously large, as though benches were crowded over benches, and galleries over galleries» [Trollope

1968: 172], а сам же Финн «at this moment, so confused was he, that he did not know wheres at Mr. Mildmay, and where Mr. Daubeny» [Trollope 1968: 176].

Однако более всего герой страдает от внутренних терзаний, возникающих от несовпадения идеальных представлений о политике и политиках с реальными картинами, фигурами и практиками. Начинаящий политик одолевает еще и постоянным ощущением конфликта его целостного «я» с необходимостью компромиссов и соглашений и подчинения партийной дисциплине. Одновременно Троллоп рисует героя, который уверен в том, что политика – это чуть ли не то единственное, где он может и должен добиться большого жизненного успеха и принести пользу, но при этом понимает, что в силу бедности, чтобы не только оставаться в политике, но и просто жить, ему надо либо искать хорошо оплачиваемую правительственную должность, а это неизбежно означает умаление собственной независимости и самостоятельности, либо (а то и то, и другое) идти на компромиссы, на которые он не может пойти без разрушения своего «я», в том числе – и с людьми неприятными, а то и отталкивающими. Сразу погружая Финна в парламентско-политическую реальность (какой она виделась только что потерпевшему поражение на парламентских выборах 1868 г. Э. Троллопу, чем отчасти объясняется повышенный критико-иронический тон повествования), писатель избегает затянутой экспозиции и быстро окунает начинающего парламентария в водоворот реконструируемых политических ситуаций (отдаленно напоминающих реально происходившие или типологизирующих их), как и свойственно Троллопу, прежде всего психологически драматизируя «подачу» материала.

Финеас – новичок в политико-парламентской жизни, но у него совсем нет провинциализма; здесь не стоит забывать, что до начала непосредственного романного действия мы узнаем, что 24-летний Финн уже провел три года в Лондоне, после окончания Тринити колледжа Дублинского университета стажирясь у известного лондонского адвоката Лоу, и начинает свою светскую карьеру, которая в немалой степени поспособствовала его политическому взлету, не с нуля: он уже успел произвести благоприятное впечатление на многих политиков, парламентариев и представителей света; уже тогда, по Троллопу, своей порядочностью и воспитанностью, но более всего – естественной благородностью и утонченностью манер, а также мужской красотой, он впечатлил некоторых дам из лондонского высшего света. Так закладывается столь важная и даже необходимая в романе о молодом герое любовная линия: Финеас испытывается любовными чувствами к четырем женщинам, но есть

одна изначальная, природная, как оказалось, непобедимая и торжествующая в конечном счете, хотя и не раз подвергавшаяся испытаниям на прочность: любовь к Мэри Флад Джонз – простой ирландской девушке из третьего сословия. Но читатель не будет порицать Финneasа за три светских увлечения, а его чувства к леди Лоре Стэндиш, Вайолет Эффингем и Марии Макс Гослер будут искренними, а потому – прощаемыми читателями. Они возникали у него в силу необходимости и желания за счет брака с богатой закрепиться в Лондоне, в политике, сделать столь желанную политическую карьеру. Однако, постоянно акцентируя, насколько больно эти чувства отдаются в душе Финна, понимающего, что он идет на некое предательство по отношению к Мэри и своему глубинному чувству, Троллоп хочет подчеркнуть природную неизбывность первого чувства.

Согласимся со Стивеном Уоллом [Wall 1988: 125] и Хайсоном Купером [Cooper 2015:73], размышлявшими о том, что наличие или отсутствие *manliness* (т.е. мужской цельности) – одна из существенных характеристик настоящего джентльмена у Троллопа. Причем исследователи говорят об этом как о некоем природном качестве; Ст. Уолл прямо пишет о том, что Финн изначально обладает «независимостью и цельностью», т.е. фундаментальными качествами джентльмена, а их испытания – основа сюжета романа. В разговоре с Вайолет Эффингем Лора Стэндиш характеризует героя: «Он так честен – и так наивен, притом без неловкости!», а ее собеседница, не колеблясь, подтверждает, что Финneas без сомнения является джентльменом [Троллоп 2025: 134]. И сюжетное существование Финна, все обрисованные писателем этапы его пути – это проверка его характера на истинное джентльменство, залогом которого становится его верность себе и своей природной целостности, основой которой Троллоп прежде всего видит *manliness*, помогающую Финneasу сделать правильный выбор в нелегких ситуациях постоянных «покушений» обстоятельств, как личных (по большей части любовных), так и политических, на гармонию его душевного мира. В конце романа во время финального диалога этих же героинь о Финneasе Финне, на слова Вайолет о том, что «быть может, ему не достает характера, уж слишком он мил со всеми» [Троллоп 2025: 803], леди Лора отвечает: «Если я верно понимаю, он из тех, кто будет постоянен, как солнце, когда сочтет, что это необходимо» [Троллоп 2025: 805]. По ходу романа становится понятно, что Троллоп наделяет Лору самым глубоким и самым точным пониманием сути характера Финneasа: она почувствовала в нем тот стержень постоянства, который одновременно стал залогом его нравственной победы над сложнейшими обстоятельствами и причиной его поражения как политика, поскольку, по Троллопу, политика – это

то, где «нельзя быть полностью свободным в своих действиях» [Троллоп 2025: 733], а всякая правительственная должность «превращает человека в раба» [Троллоп 2025: 732]. Сам герой, после решения уйти из правительства вследствие несогласия с политикой в отношении ирландских арендаторов (вымышленная Троллопом политическая ситуация), а значит и из парламента, подводя итоги своей политической одиссее в Лондоне, с достоинством констатирует, что «он ни разу не пошел ради денег или положения в обществе на что-либо, противное своей природе» [Троллоп 2025: 797].

В романе есть еще один образ носителя этой концепции природной цельности и яркого мужского начала, не позволяющего хитрить, фальшивить и лицемерить: это образ лорда Освальда Чилтерна, брата леди Лоры. Его образ – своего рода «аристократическая параллель» образу Финна, по-русски говоря, «разночинцу», в английском понимании – *intellectual*. Казалось бы, что может быть общего между утонченным Финнеасом и Освальдом – бурным и даже диким, по определению некоторых персонажей романа (леди Кэнтрип, тети и опекуниши Вайолет [Троллоп 2025: 126–127; 654], да даже самого графа Брентфорда, отца лорда, который постоянно в ссоре со своим сыном из-за его «несветкости» и нежелания крутиться в нем и быть «как все» [Троллоп 2025: 124; 207 – 209])? Что может быть общего между красивым и привлекательным, мягким (до той поры, пока ситуация не требует решительно защитить свое целостное «я»), сдержанным и толерантным Финном и Чилтерном, будто вытесанным из камня, краснолицым, порою необузданным в своих реакциях на слова и поступки окружающих, прежде всего представителей света и политики [Троллоп 2025: 122–124]? А между тем, в силу своей ирландскости, т.е. в силу воспитания и формирования личности в других, отличных от лондонских и светских, обстоятельствах, даже стремясь войти в политический бомонд и войдя в него, Финн сохраняет ядро природы своего характера в целостности, что позволяет ему выстоять. То же самое происходит и с лордом Чилтерном: он, намеренно себя изолировав от света и всего, что, по его мнению, не подходит его натуре, тоже проходит через серьезные психологические и нравственные конфликты (с отцом и светом в целом) и при этом всегда и во всем сохраняет свою целостность. Стоит согласиться с Дж. Тощем, который утверждал, что «мужественность – это выражение личностной аутентичности, при которой верность самому себе имеет гораздо большее значение, чем соответствие ожиданиям других» [Tosh 2005: 1].

Как видим, важнейшими характеристиками истинного джентльменства, независимо от социального происхождения и статуса в этом романе Тrollope становится цельность натуры и естественность героя, история сохранения которой становится сюжетным стержнем двух персонажей романа – титульного, Финеаса Финна, и его своеобразной параллели в светской сюжетной линии – Освальда Чилтерна. Такой троллоповский подход к теме джентльменства кажется нам весьма своеобразным, новаторским и художественно убедительным.

Список литературы

Вайнштейн О. Б. Денди. Мода. Литература. Стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 638 с.

Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 445 с.

Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.

Проскурнин Б. М. Викторианский менталитет и английская культура XX века (постановка проблемы) // Национальный менталитет и языковая личность. Межвуз. сб. научных трудов. Пермь: Пермский университет, 2002. С. 194–207.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 261 с.

Троллоп Э. Финеас Финн, ирландский член парламента / Пер. с англ. Е.Хузяитовой. М.: Издательство АСТ, 2025. 864 с.

Цветкова М. В. Английское // Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Н.Новгород: ННГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2001. С.158–183.

Хабидуллина Л. Ф. Женский национальный тип в английской литературе XIX века / Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 1. С. 292–299.

Шестаков В. П. Английская литература и английский национальный характер. СПб.: Нестор-История, 2010. 312 с.

Cooper H. The Gentleman-Who-Is-Not-a-Man in Anthony Trollope's *Is He Popenjoy?* // Victorians. A Journal of Culture and Literature. 2015. Fall. № 128. P. 73–92.

Hewitt K. Understanding English Literature. Oxford: Perspective Publications, 2008. 275 p.

Houghton W. E. The Victorian Frame of Mind, 1830-1870. New Haven and L.: Yale University Press, 1985. 467 p.

Langford P. Englishness Identified: Manners and Character, 1650–1850. Oxford: Oxford University Press, 2000. 418 p.

Letwin Sh. R. The Gentleman in Trollope. Individuality and Moral Conduct. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1982. 328 p.

Pevsner N. The Englishness of English Art. NY: Praeger, 1956. 218 p.

Perkin H. J. The Origin of Modern English Society, 1780-1880. L.: Routledge and C. 1969. 486 p.

Priestley J. B. The English. NY: Viking Books, 1973. 286 p.

Purchase S. Key Concepts in Victorian Literature. L.: Palgrave, Macmillan, 2006. 282 p.

Tosh J. Manliness and Masculinities in Nineteenth-Century Britain. Essays on Gender, Family and Empire. L.: Routledge, 2005. 232 p.

Trollope A. An Autobiography. With an Introduction by J.B.Priestley. L.: The Fontana Library, 1962. 286 p.

Trollope A. Phineas Finn, the Irish Member; with an introduction by Herbert van Thal. L.: Panther, 1968. 624 p.

Wall S. Trollope and Character. L., Boston: Faber and Faber, 1988. 397 p.

Young G.M. Victorian England: Portrait of an Age. 2-d ed. Oxford: Oxford University Press, 1989. 203 p.

**ENGLISH NATIONAL CHARACTER
IN THE MIRROR OF ANTHONY TROLLOPE'S NOVELS:
AN UPDATE OF THE MYTH?
(*PHINEAS FINN, THE IRISH MEMBER*)**

Boris M. Proskurnin

Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Philology,
Perm State National Research University

614068, Russia, Perm, Bukirev str, 15

bproskurnin@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

Submitted 30.06.2026

The paper examines the representation of the English national character in Anthony Trollope's novels, which by the time the writer wrote his major works had already developed into its fundamental components and even acquired the status of myth. Particular emphasis is placed on the concepts of «gentility» and «gentleman», which in Trollope's time had lost their purely class (aristocratic) character and become national sociocultural and moral categories. Particular attention is paid to the embodiment of the moral and psychological components of a true gentleman, by Trollope and other Victorians, – integrity, naturalness, and true masculinity (manliness) – in the central characters of the novel *Phineas Finn, the Irish Member*.

Key words: Victorian England, English socio-psychological novel, gentleman, masculine ideal, literary character.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Проскурнин Б. М. Английский национальный характер в зеркале романистики Энтони Тrolлопа: обновление мифа? (роман «Финеас Финн, ирландский член парламента») // Мировая литература в контексте культуры. 2026. № 22 (28). С. 27–38. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-27-38. EDN IBWYYE

Please cite this article in English as:

Proskurnin B. M. Anglijskij nacional'nyj harakter v zerkale romanistiki Entoni Trollopa: obnovlenie mifa? (roman «Fineas Finn, irlandskij chlen parlamenta») [English National Character in the Mirror of Anthony Trollope's Novels: An Update of the Myth?: (*Phineas Finn, the Irish Member*)]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2026, issue 22 (28), pp. 27–38. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-27-38. EDN IBWYYE